

Международная научная конференция «Литовские кресты в мировом контексте» (10–11 ноября 2005 г., Каунас)

С.И. Рыжакова

Традиция изготовления железных, деревянных и отчасти каменных крестов – одна из уникальных черт литовской народной культуры. В 2001 г. она была включена ЮНЕСКО в число охраняемых шедевров мирового культурного наследия. Десятки народных мастеров – резчиков по дереву и кузнецов из всех историко-культурных областей Литвы – продолжают эту традицию, сочетая воспроизводство устоявшихся форм с инновациями, подчас довольно смелыми, иногда удивляющими, иногда восхищающими и массового зрителя, и специалистов – искусствоведов и этнографов.

Как старые, так и новые кресты, располагающиеся на кладбищах, на перекрестках дорог, во дворах жилых домов, возле народных святынь, в частности около священных источников, а также на особых «крестовых горах» (самой знаменитой из которых стала Крестовая гора недалеко от г. Шяуляй) становятся объектами исследования культурной антропологии. Интерес к их символике, прагматике, функциям, контексту бытования в народной культуре в целом довольно высок во всем литовском обществе.

Очевидно, что столь широкое распространение крестов и увеличение вариативности их форм – результат влияния христианства, однако и их структура, и способы существования в народной культуре ясно свидетельствуют об их синкретическом характере, о сплаве христианских и языческих элементов. Не менее важно сопоставить различные формы крестов: ту небольшую их часть, которая может быть безусловно связана с изображением распятия, и другие, весьма близкие формы народной скульптуры – столбы с часоушками и с различными символическими изображениями, отличными от креста. Кроме того, при анализе форм и бытования литовских крестов нельзя не учитывать и существование весьма развитой традиции народной скульптуры – изображения христианских святых, различных образов Пресвятой Девы

Светлана Игоревна Рыжакова — к.и.н., старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая.

Марии и Христа, в особенности знаменитого образа Христа, сидящего в темнице (*Рупинтоелис*). На формирование этих образов повлияли как западноевропейское христианское искусство, в том числе традиции изображения, сложившиеся под влиянием стиля барокко, так и существовавшие у балтских народов традиции представления священных образов, известные по археологическому материалу и ряду письменных средневековых источников.

10–11 ноября 2005 г. в Каунасе прошла Международная научная конференция «Литовские кресты в мировом контексте». Она была посвящена памяти недавно скончавшегося литовского этнографа, проф. Вациса Милюса. Организаторами конференции стали Институт искусства Университета Витаутаса Великого и Каунасский отдел Союза художников Литвы. Душой и двигающей энергией всей работы по подготовке и организации конференции была Йоланта Забулите, докторант Вильнюсской академии художеств, специалист в области изучения традиционных литовских железных и деревянных крестов.

«Чем мы, литовцы, отличаемся от других народов, чьи страны вступили в Евро-союз? Только своим языком и национальной культурой. Потеряв это, люди теряют свою этническую индивидуальность. Теперь, когда смотришь на произведения искусства, подчас только по фамилии автора можно узнать, что это – литовец. В самих работах часто нет ничего этнически специфического, работы космополитичны. Национальная культура не может этого изменить, но может несколько скрасить, сохраняя и такую форму идентичности», – считает Й. Забулите. Она рассказала об этом и в своем интервью местной газете «Кауно диена».

На конференции собрались этнографы, археологи, филологи, искусствоведы из Литвы, Латвии, России, Белоруссии и Польши. Доклады представлялись на русском, литовском, английском и польском языках с синхронным переводом.

Археолог Викинтас Вайткявичюс (Вильнюс, доклад «Мемориальные памятники с точки зрения археологии») представил материал, собранный им на литовских городищах и курганах и дающий возможность предположить существование каменных форм – ранних прообразов крестов в середине I тыс. н.э. и, возможно, даже несколько ранее. Эдуард Зайковский, археолог из Минска, в докладе «Ландшафтный контекст расположения языческих святилищ Беларуси и Литвы» охарактеризовал места древних святилищ, существовавших в I тыс. н.э. на территории Литвы и Белоруссии, и традиции их оформления.

Французский искусствовед из Краковского университета (Польша) Арнольд Лебёфф рассказал о широком кросскультурном контексте представлений о кресте как формальном и символическом аналоге мифологического образа Мирового древа в докладе «Крест – космическое древо». Филолог из Санкт-Петербургского университета Ванда Казанскене представила чрезвычайно важное и новаторское исследование этимологии и семантики литовских слов *крикитас* (высокопродуктивный полисемантический термин, означавший и «крещение», и «начало», и «почетное место», и «поворотный пункт во времени и в пространстве») и *крижас* («крест», но также

скрещенные треугольники – «крест Лаймы», год или десять лет, мотовило для прядения), выявив их возможное балто-славянское происхождение и дохристианский контекст бытования в культуре, на который впоследствии была наложена и христианская сеть значений. Дайнюс Разаускас (Вильнюс) предложил к обсуждению ряд данных по литовской народной этимологии и терминологии, связанных с образом и представлением о кресте.

Поднимались вопросы типологии форм. Несколько сообщений было посвящено исследованию форм крестов и их классификации: доклады Альфреда Ширмулиса (Вильнюс) «Уникальность деревянных народных памятников Литвы» (описаны многоярусные кресты с навесами, кресты с часовенками и алтарями, связанные с традицией изготовления и установления деревянных надгробных идолов, фиксируемой в Литве до середины XVI в., и функционально сопоставимые с домовинами), Йоланты Забулите (Каунас) «Литовские кресты в мировом контексте: типология форм», Арунаса Кинаса (Вильнюс) «Типология христианских знаков в Литве и ареал их распространения в XIV–XX вв. Синкретизм образов луны в металлических навершиях», который описал традицию монтирования железных крестов на деревянных крестах, западнолитовскую и куршскую традицию изготовления крестов с флюгерами (а также устанавливаемые на кладбищах флюгера) и взаимоотношения трех персон, участвующих в создании крестов – кузнеца, священника и заказчика.

О традициях изготовления крестов в различных областях Литвы шла речь в докладах Габии Сурдокайте (Вильнюс) «Крестоделие в регионе Сувалкия в XIX в.» (обсуждались указ Муравьева 1915 г. о запрете устанавливать в Литве кресты без дозволения чиновников, а также существовавшая до конца XIX в. традиция подвешивания часовенок и прикрепления скульптур на растущее дерево), Эльвиры Спудите (Тельшяй) «Народная скульптура и металлические кресты», Йонаса Навасайтиса (Каунас) «Литые надгробные кресты и другие изделия». О декоре надгробных памятников, распространенных до начала XX в. среди протестантов – евангелистов Западной Польши, рассказывалось в докладе Я. Прусиновски и Т. Скорупски (Познань).

В докладе этнолога Светланы Рыжаковой (Москва) «Образ креста в латышском фольклоре: происхождение и функции» было представлено несколько размышлений по поводу самых древних и общих черт в семантике креста как орнаментального и пластического символа. Был сделан вывод, что крест – один из древнейших символов в мировой орнаментике, с эпохи палеолита широко распространенный в изобразительном искусстве. Судя по археологическим и этнографическим данным Восточной Прибалтики (хотя, видимо, это касается и многих других историко-культурных областей мира), крест также один из самых стабильных орнаментальных символов, существующий на протяжении всех исторических эпох. Тем не менее в каждый из исторических периодов можно выявить свой набор форм бытования креста, и эти формы имеют различное происхождение, функцию и семантику. Так, косой крест, один из самых значительных знаков древних балтов, следует отличать от прямого

креста, начавшего распространяться, по-видимому, вместе с христианством. Со временем имела место и контаминация образов и их значений.

При исследовании происхождения, функций и семантики этого знака необходимо различать две роли, которые играет крест в изобразительном искусстве: с одной стороны, *знак креста*, семантически нагруженный, подобный лексеме, и, с другой стороны, *крест как технологический прием*, как грамматическая форма, как способ деления пространства на основе симметрии L4 – «симметрии креста» (90 градусов).

Кроме того, при обращении к формам бытования креста в народной культуре необходимо различать *знак креста* (в виде графемы или предмета) и действие – крещение, *нанесение креста* на пространство, предмет или человека; во втором случае можно обнаружить, что образуется фигура не столько креста, сколько звезды, или креста в круге. При этом весьма интересна латышская народная терминология орнамента, показывающая, что различные формы креста могли называться «солнышком», «звездой». В докладе были представлены данные латышского фольклора, этнографии и археологии, которые дают возможность утверждать, что крест как «лексема» – один из самых полисемантических орнаментальных и пластических символов, функционально сопоставимый с «узелком» и образующий максимально возможное количество «синтагм», внешних связей с другими графемами.

В докладах рижских коллег, филолога Янины Курсите «Распятая Латгалия: между старой и новой традициями» и фольклориста Сандиса Лайме «Католические кресты в сакральном ландшафте региона суитов в Латвии» была описана традиция изготовления деревянных распятий на перекрестках и обочинах дорог в католических областях Латвии, а также традиции майских песнопений возле этих крестов.

Историю и современное бытование знаменитой Крестовой горы недалеко от Шяуляй в Литве представила в докладе искусствовед из Каунаса Лайма Шинкунайте. «Крестовая гора» в XIX–XX вв. прошла эволюцию от обетного места локального значения, где люди молились об излечении, до символа национальной независимости и важнейшей этнокультурной святыни литовцев. О самопроизвольных скоплениях крестов и образовании «крестовых горок» в Литве, связанных с принесением обетов, с установлением памятников и с закреплением исторической памяти о периодах сопротивления, рассказала Але Почюлпайте (Вильнюс).

Владимир Кляус (Москва) представил доклад о «крестовых» горах Забайкалья, в котором проанализировал формы взаимоотношения представителей православия и традиционных народных верований народов Забайкалья, в частности трансформации культа гор у бурят и тунгусов.

Роман Широухов (Калининград) представил любопытный, но вызвавший многие возражения доклад «К семантике креста как Мирового Древа: эвентуальная композиция “растущее дерево и драконы” в этнографическом декоре Северной Самбии рубежа XIX–XX в.». Он предложил весьма спорное прочтение символики деревянных фронтонов жилых домов Восточной Пруссии конца XIX – первой половины XX в. и предположил ее связь со священными образами древних пруссов и куршей. Тем не

менее следует отметить, что, по-видимому, само обращение к культурному наследию Калининградской обл. (Восточной Пруссии / Северной Самбии), региона с чрезвычайно сложной и трагической исторической судьбой, может быть только попыткой нового мифо- и образотворчества, попыткой синтеза на основе сохранившихся артефактов нескольких разрушенных культур при полной невозможности их реального диалога.

Одним из лучших, как с точки зрения информативности, так и представления материала, по общему мнению всех участников конференции, был доклад Ольги Лобачевской (Минск) «Женские антропоморфные кресты на Беларуси: современные наблюдения и гипотезы». Была подробно описана традиция так называемых оброчных (или *абракальных*) крестов в Восточном Полесье – принесение тканей-оброков, элементов женского костюма (платков, передника и др.) и «одевание» креста, в результате чего получается антропоморфный женский образ. Подобные кресты называют «хвигуры», а обряд снятия и сжигания старых одежд и одевания новых чаще всего бывает приурочен ко времени весеннего равноденствия и проводится рано утром, до восхода солнца. Докладчица описала и проанализировала формы крестов, на которые надевают оброки: в 30 случаях речь идет о древних каменных изваяниях, сочетающих слабые антропоморфные черты с общим силуэтом креста (Долгиносский идол Вилейского р-на, а также камни-кресты с современными названиями «Девочка», «Каменная девочка», «Святы камень»). Такие народные святыни связаны с легендами о проклятых людях, им приносят также пищу, деньги, украшения, у них испрашивают помощи, обращаются с просьбой о защите. О. Лобачевская делает вывод о сохранении в Восточном Полесье в данной локальной женской традиции рудиментов культа дохристианского женского божества.

О белорусских оброчных крестах у родников рассказал также Денис Романюк (Минск). Он представил материал по обрядам, проводимым возле источников, почитаемых как священные, описал обряд приношения рушников и обвивания ими крестов, обряд освящения яблок, огурцов, мака и другой пищи возле таких крестов и другие обычаи и обряды, связанные с этими народными святынями.

На конференции участвовали и представители духовенства: католический священник Йорданас Казлаускас (Каунас), сделавший доклад «Трактовка креста – распятия в западной церкви», а также древлеправославный епископ Курский Аполлинарий (Дубинин).

Был показан фильм «Сотворение мира в конце двадцатого века», в котором были объединены музыкальная и изобразительная линии (музыка Г. Купрявичюса, анимация Е. Васкявичюса), с использованием работ М.К. Чюрлениса.

Конференция была прекрасно организована: доклады перемежались с активными дискуссиями, продолжавшимися и после заседаний, в неформальной обстановке, в том числе в гостевом доме епископства Каунаса, где проживали некоторые из участников.

Конференция совпала с проведением в Каунасе и Вильнюсе международной художественной текстильной выставки-триеннале, так что можно было познакомиться-

ся с современными работами художников-прикладников из Литвы и других стран и выяснить, насколько глобализация оказала влияние на современное искусство. Хочется заметить, что хотя уровень космополитичности современного искусства в целом довольно высок, произведения литовских мастеров (Лаймуте Козловене, Кристине Кервелите, Хенрика Барткуте), выставленные в художественной галерее М. Жилинскиса, я часто могла узнать, не читая имя автора: столь сильны и узнаваемы некоторые элементы литовских народных изобразительных традиций – на уровне образов, форм и того трудно выразимого, но легко уловимого составляющего, что можно назвать «духом творчества».

© Этнографическое обозрение Online. Ноябрь 2005
(<http://journal.iea.ras.ru/online>)